

КАК ИВАН-ДУРАК МИЛЛИАРД ВЫИГРАЛ

ЗДЕСЬ ПРОДАЮТ
БИЛЕТЫ

СЕЛЬМАГ
«РОГА И КОПЫТА»

СЛАВА КПСС

ДОСКА ПОЧЕТА

ВЫИГРЫШ

КНИГА ПЕРВАЯ

Сергей Диковинный КАК ИВАН-ДУРАК МИЛЛИАРД ВЫИГРАЛ

<https://litres.ru/74566964>

SelfPub; 2026

Аннотация

СКАЗКА О ДЕНЬГАХ, ЗЕМЛЕ И ТЕЛОГРЕЙКЕ

Книга 1. КАК ИВАН-ДУРАК МИЛЛИАРД ВЫИГРАЛ

Жил-был в деревне Мухосранск мужик. Иван. Простой, работающий, себе на уме. Ворчал на правительство, пил чай с мёдом, солил огурцы — и знать не знал, что жизнь его вот-вот перевернётся. Всё началось с того, что он по пьяни купил лотерейный билет. И выиграл миллиард. А дальше — понеслось. Хлебозаводы, олигархи, Кремль, Президент, народный контроль и полстраны за плечами. Но главное, что понял Иван за все эти годы: счастье не в деньгах, не во власти и не в Москве. А в том, чтобы вечером сидеть на крыльце, гладить пса, слушать, как кудахчет курица, и знать: ты дома.

Добрая, смешная и мудрая история о том, как простой человек из деревни оказался умнее всех министров — и при этом не потерял себя.

Содержание

ГЛАВА 1. Утро, которое не убило Ивана	4
ГЛАВА 2. Огурцы Ивана	13
ГЛАВА 3. Как Иван керосин покупал	23
ГЛАВА 4. Шарик и медведь	32
ГЛАВА 5. НЛО над Мухосранском	38
ГЛАВА 6. Как Иван баню топил	44
ГЛАВА 7. Кузя на проводе	50
ГЛАВА 8. Дорога в Мухосранск	58
ГЛАВА 9. Пожар	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

КАК ИВАН-ДУРАК МИЛЛИАРД ВЫИГРАЛ

ГЛАВА 1. Утро, которое не убило Ивана

Утро началось с того, что над Мухосранском пролетел метеорит. Не долетел, правда — упал в болото за речкой. Взрывная волна выбила стёкла в половине города.

У Ивана — ни одного.

Потому что он спал с открытой форточкой, и волна просто пролетела сквозь.

Иван проснулся от того, что Шарик ткнулся мокрым носом в ладонь.

— А, чертяка, — пробормотал он, не открывая глаз. — Что, жрать захотел? Или Кузя опять на крышу залез?

Шарик вильнул хвостом — мол, и то, и другое.

Иван сел, потянулся. В окно увидел, что у соседей стёкла выбиты, во дворе перевернута будка, а дядя Коля бежит в трусах и машет руками.

— Чего это они? — удивился Иван. — Опять у тёти Зины самогон ударил?

Он оделся, вышел на крыльцо. Мухосранск выглядел так, будто по нему прошёлся слон. Иван почесал затылок:

— Ну и дела.

К нему подбежал дядя Коля, трясаясь:

— Ты видел?! Видел?!

— Чего? — не понял Иван.

— МЕТЕОРИТ! — заорал дядя Коля. — С неба упал! В болото! Весь город потрянуло!

Иван посмотрел на небо. Оно было серым, обычным, утренним.

— А, — сказал он. — Ну и хорошо, что в болото. А то бы вон в меня попал.

Дядя Коля выпучил глаза:

— Тебя бы убило!

— Так не убило же, — пожал плечами Иван. — Я вон живой. Пойдём, позавтракаем, а там видно будет.

Он пошёл в дом, а дядя Коля остался стоять, открыв рот. Потом перекрестился:

— Ивана ничего не берёт. Точно говорю.

* * *

Иван Петрович Задов жил в Мухосранске с рождения. Городок был маленький, тысячи на полторы домов, не больше. Люди знали друг друга в лицо, здоровались с каждым, а про чужих сразу спрашивали: «А это чей такой будет?»

Жизнь тут текла медленно, как патока из банки. Утром — петухи, днём — тишина, вечером — разговоры на лавочках

и запах свежего хлеба из пекарни.

Ивана все знали. Иван был мужик работающий, но — без царя в голове. Не то чтобы дурак, а так... себе на уме. Работал он на стройке — не потому что надо, а потому что нравилось. Мастер на все руки: и крышу перекрыть, и забор починить, и печку сложить. Деньги брал небольшие. Вернее, брал столько, сколько дадут. А иногда и совсем не брал.

— Иван, ты чего? — удивлялись соседи. — За работу деньги положены.

— Так я ж для людей старался, — отмахивался Иван. — Куда мне деньги? У меня всё есть.

И правда — всё у него было. Дом старый, но крепкий. Огород родил. Во дворе — Шарик, пёс рыжий, ушастый, породы «двортерьер». В доме — Кузя, кот полосатый, ленивый до безобразия. Иван говорил, что Кузя не кот, а «мышеловка на пенсии». Кузя на это только фыркал из-под печки и продолжал дрыхнуть.

Семья у Ивана не сложилась. В молодости он собирался жениться на Нинке из соседней улицы, но Нинка уехала в город, к тётке, и с концами. Другие невесты появлялись, но как-то не приживались. То им казалось, что Иван слишком простой. То — что слишком бедный. То — что слишком счастливый без них.

— Вань, ну какой ты будешь муж? — говорила ему тётя Зина, местная сваха на пенсии. — У тебя ни денег, ни амбиций. Ты хоть в футбол играешь?

— Не, — честно признавался Иван. — Я лучше огурцы посолю.

Тётя Зина махала рукой:

— Пропаций ты человек, Иван. Так и будешь со своим котом да псом век вековать.

Иван не обижался. Поглаживал Шарика за ушами, смотрел на Кузю, который важно проходил мимо, задрав хвост, и говорил:

— А чо, нормально живу. Свои не бросят.

* * *

На этот раз метеорит — это было, конечно, событие. В Мухосранске ничего такого не случилось со времён войны, когда над городом пролетал немецкий самолёт и сбросил бомбу в болото. С тех пор болото так и называлось — «Немецкое». Теперь туда упал метеорит.

К обеду у болота собралась половина Мухосранска. Стояли, смотрели, обсуждали.

— Глубокая воронка! — кричал дядя Коля, размахивая руками. — Метров десять!

— Не ври, — поправляла его тётя Зина. — Три метра. Я сама видела.

— А я говорю — десять!

— А я говорю — язык у тебя десять метров! Врун несчастный!

Иван подошёл, посмотрел на болото. Вода стояла как стояла. Только посредине образовалась воронка, и вокруг пла-

вали обгоревшие ветки да трава.

— Ну и чо? — спросил Иван у толпы.

— Как чо? — возмутился дядя Коля. — Это ж метеорит! Гость из космоса!

— А, — сказал Иван. — Налить ему, что ли, чаю? Всё-таки гость.

Народ засмеялся. Дядя Коля обиделся:

— Ты, Иван, совсем дурак. Это ж событие мирового масштаба! Сейчас сюда учёные приедут, журналисты. А может, и американцы!

— Пусть приезжают, — кивнул Иван. — У нас знаешь какие огурцы солёные? Американцы такое не едали. Вот и угостим.

И пошёл домой — обедать.

А вслед ему смотрели и качали головой:

— Ну Иван! Ну молодец! Всё ему нипочём.

* * *

Вечером того же дня в Мухосранск действительно приехали журналисты. Двое: молодой парень с камерой и девушка с микрофоном. Они ходили по городу, спрашивали у людей:

— Вы видели метеорит?

Все видели. Все рассказывали. Дядя Коля рассказал три раза — каждому журналисту отдельно, и каждый раз по-новому. То метеорит был размером с дом, то с автобус, то «с два автобуса и ещё прицеп».

Журналистка — Леночка, как она представилась, — по-

дошла к дому Ивана. Иван в это время поливал огород. Шарик лежал рядом и наблюдал. Кузя сидел на заборе и делал вид, что он тут вообще ни при чём.

— Здравствуйте! — сказала Леночка, ослепительно улыбаясь. — Вы местный?

Иван выключил шланг, посмотрел на неё внимательно:

— Это смотря кто спрашивает.

— Я корреспондент телеканала «Россия-2»! — представилась Леночка. — Мы снимаем сюжет о метеорите. Вы его видели?

Иван подумал.

— Ну, видеть не видел, а слышать — слышал. Стёкла, правда, целы остались. Сплю с форточкой — волна пролетела сквозь.

Леночка заулыбалась:

— Какая интересная деталь! А вы не могли бы рассказать подробнее?

Иван вздохнул:

— Чего рассказывать-то? Грохнуло — я и проснулся. Думал, у дяди Коли самогонный аппарат рванул. А оно вон чо — гости из космоса.

Он хлопнул себя по колену:

— Ладно, пойдёмте в дом. Чайку попьем. Огурчиками угощу. Вы хоть ели?

Леночка хотела отказаться, но Иван так посмотрел на неё — просто и по-доброму, — что она вдруг сказала:

— Ну... если только чаю.

Они сидели на кухне. Иван налил чай в большую кружку с надписью «Лучший дед» и поставил перед Леночкой банку с огурцами.

— Давай-давай, подкрепись. А то худая какая-то. Вас там в вашей Москве не кормят, что ли?

Леночка засмеялась:

— Да кормят. Просто работа такая — всё время на бегу.

— А, — кивнул Иван. — Ну, это плохо. Человеку положено сидеть, есть не спеша и думать о хорошем. А вы всё бежите. Куда бежите-то?

Леночка задумалась. Потом честно сказала:

— Не знаю.

— Вот. А я знаю. Я никуда не бегу. Мне и тут хорошо. Так что вы это... передайте вашим — пусть к нам приезжают. Не на метеорит смотреть, а так... Пожить. Огурцы есть. Знаете, какие у нас огурцы?

И он начал рассказывать. Про то, как он солит огурцы. Про то, сколько укропа кладёт. Про то, что секрет — в воде из местного колодца.

Леночка слушала. И сама не заметила, как записала в блокнот: «Огурцы. Укроп. Колодец. Счастье».

* * *

Через неделю в Мухосранск пришла местная газета. На первой полосе — статья: «Метеорит упал в Мухосранске: учёные исследуют воронку».

А на второй полосе — маленькая заметка: «Иван Задов: человек, которого не убил метеорит».

Дядя Коля прочитал и обиделся:

— А почему это про него пишут, а не про меня? Я тоже метеорит видел!

Никто не ответил. Все читали заметку.

Там было написано, что Иван Задов — «удивительный человек, который живёт в гармонии с собой и миром». Что он «не гонится за материальными благами и считает, что счастье — в простых вещах». Что он «угостил корреспондента чаем и солёными огурцами, которые, по словам корреспондента, были лучшими в её жизни».

Иван прочитал и почесал затылок:

— Чего написали-то... «Счастье в простых вещах». Ну да, а чо? Оно и есть.

Он сложил газету, положил на подоконник. Шарик подошёл, понюхал.

— Не, Шарик, это не для тебя. Ты газеты не читаешь. Ты лучше Кузю спроси, он у нас грамотный. Правда, Кузя?

Кузя лежал на печке и не ответил. Он вообще редко отвечал. Только фыркал иногда — если что-то было не по нём.

Иван вышел на крыльцо. Посмотрел на закат. Небо было оранжевым и розовым, как в детстве. Он вздохнул полной грудью:

— Хорошо-то как. Огурцы вон растут. Метеорит упал — не в меня. Шарик рядом. Кузя на печке. Чего ещё человеку

надо?

И пошёл спать.

Наутро следующего дня он проснулся от того, что телефон — издавший виды, старый, с кнопками — зазвонил. Да так громко, что Кузя аж подпрыгнул на печке.

Иван взял трубку. Заспанным голосом спросил:

— Алло?

— Иван Петрович Задов? — спросил вежливый голос. — Вас беспокоят из компании «Спортлото». Поздравляем, вы выиграли миллиард рублей!

Иван посмотрел на телефон. Потом на Шарика. Потом на Кузю.

— Ага, — сказал он. — И я вас тоже поздравляю.

И нажал отбой.

— Шарик, — сказал он. — Ты слышал? Миллиард я выиграл.

Шарик завилял хвостом.

— Ну вот, — вздохнул Иван. — А у меня огурцы не политы. Пойдём поливать. Миллиард подождёт.

И пошёл поливать огород.

ГЛАВА 2. Огурцы Ивана

Иван гордился своими огурцами больше, чем иной министр гордится своей пенсией. И было чем. У Ивана на огороде росли не просто огурцы — а произведение искусства. Соседи снимали шапку, проходя мимо его парника. Даже дядя Коля — который ни перед кем шапку не снимал, кроме как перед участковым — и тот уважительно козырял, глядя на грядки.

— Вань, ну как ты так делаешь-то? — спрашивали соседи.
— У нас вон огурцы кривые, горькие, а у тебя — загляденье.

Иван пожимал плечами:

— Так я их люблю. Они и растут.

Люди не понимали. Но огурцы — понимали.

В прошлом году один огурец вымахал такой, что Иван с него три банки закатал. Три литровые банки, заметьте. Огурец нарезал — и три банки полностью, ещё и хвостик остался. Хвостик Иван отдал Кузе. Кузя хвостик съел и потребовал добавки.

— Не, — сказал Иван. — Добавки не будет. Это ж огурец — не поросёнок. Приходи через год.

Кузя обиделся и неделю спал под печкой, выходил только есть.

* * *

В этом году — а дело было ранней весной, как раз после

того самого метеорита — в Мухосранск приехал агроном. Вернее, не агроном, а так... человек, который говорил, что он агроном. Мужичок маленький, юркий, с хитрющими глазами и портфелем, из которого торчали пакетики с семенами.

— Люди добрые! — кричал он на базарной площади. — Семена нового, небывалого сорта! «Богатырский хруст»! Урожай — космический! Пальчики оближешь!

Народ толпился. Тётя Зина взяла два пакетика, потом вернула один — что-то ей не понравилось в глазах агронома. Дядя Коля взял четыре, но потом выменял два на бутылку самогона — правда, самогон оказался водопроводной водой, и дядя Коля ходил злой неделю.

Иван проходил мимо. Агроном его окликнул:

— Уважаемый! Подходите! Сорт чудо-какой! Сами посадите — сами удивитесь!

Иван остановился, посмотрел на пакетик:

— А чего за сорт?

— «Богатырский хруст»! — затараторил агроном. — Огурцы — вот такие! — Он развёл руками, показывая арбуз. — А может, и больше! Сочные, хрустящие, один вкус чего стоит!

Иван взял пакетик, повертел в руках:

— А чего ж ты сам их не сажаешь, если они такие хорошие?

Агроном замялся:

— Так я... в командировке! Я разъезжаю, семена людям

раздаю. Просвещаю!

Иван хмыкнул:

— Ну-ну. Давай два пакетика.

Агроном аж подпрыгнул от радости:

— Два?! Да вы, уважаемый, в накладе не останетесь! Сорт уникальный! Таких огурцов ни у кого не будет!

Иван расплатился, сунул пакетики в карман и пошёл домой. Агроном смотрел ему вслед и довольно потирал руки:

— Эх, хороший мужик попался. Доверчивый. Такие семена — самим бы пригодились, да уж ладно. Вручил судьбу!

Он сел в старую «Волгу» и уехал. Больше его в Мухосранске никто не видел.

* * *

Иван посадил семена в начале мая. Вскопал грядку, удобрил, полил тёплой водой. Шарик сидел рядом и внимательно наблюдал: а вдруг из земли вылезет что-то вкусное?

— Не, Шарик, — говорил Иван, закапывая семечко. — Это не для тебя. Это для салата. Хотя кто тебя знает... Может, и для тебя что останется.

Семена взошли на удивление быстро. На третий день появились маленькие зелёные петельки. На пятый — расправились первые листочки. Через неделю грядка уже зеленела, и Иван ходил довольный.

— Хороший сорт, — говорил он, глядя на всходы. — Быстрый. Это хорошо.

Но через две недели он заметил странное. Огурцы росли

не просто быстро — они росли стремительно. Каждое утро Иван выходил на огород — и замечал: за ночь плети удлинлись сантиметров на двадцать.

— Ничего себе, — говорил Иван, почесывая затылок. — Так и до забора недалеко.

До забора действительно оказалось недалеко. К концу июня огурцы доползли до забора, обвили его и поползли дальше.

— Шарик, — позвал Иван. — Ты это видишь?

Шарик подошёл, понюхал огуречную плеть, чихнул.

— Вот и я думаю, — вздохнул Иван. — Не иначе как агроном тот не вруки семена продал. А может, и вруки.

* * *

В июле началось веселье.

Огурцы поползли на сарай. Потом — на крышу. Иван ходил вокруг дома и только головой качал. Он пытался подвизывать плети, но они росли быстрее, чем он успевал. Пытался обрывать лишние побеги — не помогало. Огурцы были решительно настроены захватить весь участок.

— Может, вы их заговорили? — спрашивал дядя Коля, глядя на зелёное нашествие. — Или это инопланетное? Может, те семена — с метеорита?

— С какого метеорита? — не понял Иван.

— С того самого! Который в болото упал! Агроном тот — он наверняка с ними связан!

— Дядя Коля, — устало сказал Иван, — ты у нас самый

умный. Иди семена свои поливай.

Дядя Коля обиделся, но ушёл. А Иван стоял посреди двора и смотрел на огуречные джунгли.

— Ну и дела, — сказал он. — Вот это урожай. Вот это я понимаю.

Самый главный огурец — тот, который вымахал первым — к августу был размером с бревно. Не с полено — а с полноценное бревно. Он лежал на земле, толстый, зелёный, пупырчатый, и нагло занимал пол-огорода.

Иван попробовал его поднять. Не смог.

— Шарик, — позвал он. — Иди помоги.

Шарик подошёл, упёрся лапами в огурец, потянул. Огурец не сдвинулся. Кузя, проходя мимо, посмотрел на них с презрением и ушёл на печку.

* * *

Тётя Зина прибежала с утра пораньше. Вздуродная, растрёпанная, с полотенцем в руках.

— Иван! — закричала она ещё с калитки. — Твоя зелёная змея мой колодец обвила!

Иван вышел на крыльцо:

— Какая змея?

— Вот такая! — Тётя Зина развела руками, показывая размером с добрую удавку. — Твой огурец! Он у меня весь двор занял! Он у меня воду пьёт! Я сегодня утром вышла — а он у меня ведро вытащил и в колодец уронил!

Иван почесал затылок:

— Ведро уронил? Это вряд ли. Огурцы ведра не роняют. Им это ни к чему.

— А я тебе говорю — он! — настаивала тётя Зина. — Убери его! Он у меня весь участок задушит!

Иван вздохнул. Пришлось идти разбираться.

Огурец действительно дополз до тёти Зининого двора. Мало того — он обвил колодец, поднялся по столбу и свешивался сверху, как зелёная верёвка. Тётя Зина стояла рядом с ухватом, готовая обороняться.

— Ну-ка, — сказал Иван, подходя к огурцу. — Ты чего это, брат, разошёлся?

Огурец не ответил. Но Иван его понял. Он вообще с огурцами умел разговаривать.

— Уважаю, — сказал он, поглаживая зелёный бок. — Уважаю размах. Но давай-ка, брат, поаккуратнее. Тётя Зина — женщина пожилая, ей колодец нужен. А ты воду пьёшь — так и она хочет попить. Давай дружно жить.

Тётя Зина смотрела на него, как на сумасшедшего:

— Ты с ним разговариваешь? Со своим огурцом? С овощем?

— А чо, — пожал плечами Иван. — Он живой. Растёт. Разговаривать не умеет, а слушать — слушает. Правда, брат? Огурец, кажется, скрипнул.

Иван снял плеть с колодца, осторожно отвёл её в сторону, привязал к столбу забора.

— Вот так. Теперь будешь расти вдоль забора. Красиво

будет. И тётё Зине не мешай.

Тётя Зина смотрела на всё это с открытым ртом.

— Иван, — наконец сказала она. — Ты точно дурак?

— Ага, — улыбнулся Иван. — А кто ж ещё с огурцами разговаривать будет?

* * *

К концу августа огурец — тот самый, главный — дорос до состояния, когда его надо было снимать. Иван понял: больше ждать нельзя. Скоро он заполонит весь двор, а потом поползёт на улицу. И что тогда? Будут соседи ходить через зелёный туннель?

— Так, мужики, — сказал Иван, собрав дядю Колю и ещё двух соседей. — Помогайте. Снимать урожай надо.

— Это какой? — спросил дядя Коля, подозрительно глядя на огурец размером с бревно.

— Вот этот, — кивнул Иван. — Самый главный.

Мужики переглянулись.

— Вань, — сказал сосед Пётр. — А ты уверен, что это огурец? Может, это... как его... кабачок? Или тыква?

— Не, — уверенно сказал Иван. — Огурец. По запаху видно. И по пупырышкам. Давай, берись за тот конец.

Они брались. Огурец не поддавался. Пришлось взять топоры. Рубили два часа. Огурец был такой плотный, что топор звенел, как по дереву.

— Ну и зараза! — кряхтел дядя Коля. — Я такого сроду не видал!

— А я говорил — хороший сорт, — довольно сказал Иван, вытирая пот. — «Богатырский хруст». Всё-таки не обманул агроном. Хотя... обманул. Такой огурец — это ж не огурец, а танк.

Наконец огурец поддался. Рухнул на землю — и земля вздрогнула. Пыль поднялась столбом.

— Ну вот, — сказал Иван, с любовью поглаживая огурец. — Красавец!

* * *

Закатали сто сорок банок. Это не шутка: сто сорок литровых банок солёных огурцов. Иван нанял трёх соседей — резать, укладывать, заливать рассолом. Работали два дня.

Шарик сидел в углу и облизывался. Кузя расхаживал по кухне с видом генерального инспектора: проверял, не пропустил ли кто огуречного хвостика.

Когда всё закончилось — а закончилось всё грандиозным количеством банок, которые стояли в погребе, на веранде, под кроватью и даже в бане — Иван сел на крыльцо, усталый, но довольный.

— Ну что, Шарик, — сказал он. — Заготовили. На зиму хватит. Ещё и соседям раздадим.

Соседям раздали. Тётя Зина взяла три банки — и больше не ругалась на зелёного захватчика. Дядя Коля взял пять. Пётр взял две.

— Вкусные, зараза, — сказал Пётр, жуя огурец. — Так и хрустят. Вань, а где ты семена-то брал?

— Агроном приезжал, — махнул рукой Иван. — Продал семена. «Богатырский хруст» называется.

— А он ещё приедет?

— Не знаю. Сказал, командировка у него. А может, и не командировка. Может, сбежал. После таких огурцов и сбежишь.

Мужики засмеялись. А Иван взял банку с огурцами, открыл, вытащил один — хрустящий, зелёный, пахучий — и закусил. Кузя тут же прибежал на запах.

— Ну, — сказал Иван, протягивая коту огуречный огрызок. — Держи. Ты заслужил.

Кузя взял огрызок, важно ушёл под печку.

Иван посмотрел ему вслед, улыбнулся:

— А что, хороший сорт. Жалко, семян больше нет.

* * *

А через два дня его телефон зазвонил снова. Иван как раз сидел на крыльце, пил чай и смотрел на закат.

— Алло, — сказал он.

— Иван Петрович Задов? — спросил вежливый голос. — Вас беспокоят из компании «Спортлото».

— Ага, — сказал Иван. — Ну вы опять со своим миллиардом?

— Да, — сказал голос. — Мы звоним уже два раза. Вы не верите?

— Да верю, верю, — махнул рукой Иван. — Только у меня тут огурцы. Не до разговоров. Перезвоните через полчаса, я

как раз чай допью.

И нажал отбой.

Шарик посмотрел на него преданными глазами. Кузя вышел из-под печки, сел на крыльцо рядом с Иваном.

— Ну что, мужики, — сказал Иван. — Пойдёмте огурцы досаливать. А то миллиард подождёт. У нас тут дела поважнее.

И никуда не пошёл. Сидел на крыльце, допивал чай и смотрел на закат.

Телефон в кармане завибрировал снова. Иван не ответил — он разговаривал с Кузей о важном, об огурцах и о том, что счастье — это когда ничего не надо менять.

ГЛАВА 3. Как Иван керосин покупал

Зима в тот год пришла рано. Не спросила, не постучалась — взяла и пришла. Мороз ударил такой, что птицы на лету замерзали. Вода в колодцах покрывалась ледком, а народ в Мухосранске закутался в тулупы и шубы и сидел по домам — ждал, когда оно всё кончится.

Иван мороза не боялся. У него печка была хорошая, дрова заготовлены с осени, шуба старая, но тёплая. Только вот одна беда — свет отключали. Не часто, нет, так, время от времени. Сядет — и сиди в потёмках. Хорошо, если вечером — можно и спать лечь. А если в сумерках — то и не считаешь, и не поужинаешь как следует.

— Надо бы керосину купить, — сказал Иван Шарику. — Для лампы. А то сядет свет — будем в темноте сидеть, как филины.

Шарик согласен не был. Филином он быть не хотел. Но возражать не стал — Шарик вообще никогда не возражал. Только хвостом вилял да головой кивал.

Иван взял канистру — старую, ещё отцовскую, с потёртой ручкой — и пошёл на заправку. Она у них в Мухосранске со времён Советского Союза стояла. Одна колонка, будка, и мужик в промасленной телогрейке по имени Степаныч.

Степаныч сидел в будке, читал газету и грел чай на обогревателе. Увидел Ивана — кивнул:

— Здорово, Вань. Чего надо?

— Керосин есть? — спросил Иван, ставя канистру на землю.

Степаныч поднял бровь:

— Керосин? Откуда у меня керосин? Ты чо, Вань, перепутал? Мы тут только бензин держим. И солярку. А керосин — это в райцентре. В хозяйственном магазине.

— А, — сказал Иван. — Ну, спасибо. Схожу.

Он взял канистру, повесил на плечо и пошёл в райцентр. Это километров пятнадцать, если пешком. Иван не спешил: мороз хоть и злой, а ему не привыкать.

Дошёл за два часа. Райцентр — городок побольше Мухоморска, называется Новосёлово. Там и больница, и школа, и универмаг, и даже кинотеатр на два зала. В хозяйственном магазине Иван подошёл к продавщице:

— Здравствуйте. Керосин у вас есть?

Продавщица — женщина средних лет, с усталым лицом и в вязаной кофте — посмотрела на него внимательно:

— Был. Но вчера приехал какой-то чудаковатый и выкупил всю партию. Всю, до капли. Говорит, для дома. А у самого глаз нет — не то что керосин, солярку не отличит.

— А ещё где взять? — не удивился Иван.

— Да нигде, — махнула рукой продавщица. — Теперь до весны не завезут. Раньше не было — теперь и подавно не

будет. Ты бы уж дома сидел, мил человек. Чего по морозу шастаешь?

— Да мне для лампы, — сказал Иван. — Свет часто отключают.

— Керосинка-то есть?

— Есть. Лампа старая, ещё отцовская. Давно не пользовался, а тут свет зачастил отключать. Подстраховаться хочу.

Продавщица посмотрела на него и вздохнула:

— Эх, Ваня... В наше время керосин — на вес золота был. За керосином очереди стояли. А теперь — на тебе, всё под заказ. Ну, не знаю. Может, у Прохорыча спроси. Он у нас всё знает. Может, у него завалялся где.

— Это кто? — спросил Иван.

— Да старик один. В Заовражье живёт. Бобыль, как и ты. Говорят, у него всего полно. И керосин есть. Только он просто так не отдаст. Ты с ним по-хорошему.

Иван кивнул, поблагодарил и пошёл в Заовражье.

* * *

Заовражье — это деревня в трёх километрах от Новосёлово. Маленькая, дома четыре, и все заколоченные. Только один дом живой: с трубой, из которой идёт дым, и с тропинкой, протоптанной к колодцу.

Иван постучал. Из дома вышел старик — сухой, жилистый, в валенках и кожаной куртке. Глаза — колючие, но вроде не злые.

— Чего надо? — спросил Прохорыч.

— Керосин есть? — спросил Иван. — Говорят, у тебя есть.

Прохорыч посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Есть. А зачем тебе?

— Свет отключают. Лампа есть. Нужен керосин.

Прохорыч склонил голову:

— А много ли надо?

— Ну... литра три, наверное. Для запаса.

Прохорыч кивнул:

— Ладно. Заходи. Есть у меня литра три-четыре. Поделюсь.

Иван зашёл. Дом у Прохорыча был старый, но ухоженный. В углу — иконы. На печи — кот, похожий на Кузю, только белый. Иван увидел кота, усмехнулся:

— Тоже кот?

— А как же, — ответил Прохорыч. — Какой дом без кота? Это не дом, а сарай. А у меня дом.

Прохорыч налил керосин в канистру. Чистый, прозрачный, без запаха — ну, с запахом, но не таким, какой бывает у плохого керосина.

— Сколько с меня? — спросил Иван.

Прохорыч махнул рукой:

— Да бери так. Мне не жалко. Ты человек простой, правильный. Вижу. Дорогу нашёл по морозу, не поленился. Бери. Дома пригодится.

Иван хотел заплатить, но Прохорыч не взял.

— Ладно, — сказал Иван. — Тогда спасибо. Дай бог тебе здоровья.

Сел — и пошёл домой. Через мороз, через заснеженные поля — с канистрой керосина за плечом.

* * *

Идёт Иван, радуется. Керосин есть, лампа будет работать. В Мухосранске его встретили с удивлением:

— Ванька! Ты чего — в райцентр ходил?

— Да, — сказал Иван. — За керосином.

— И где взял?

— Да мужичок один поделился. Прохорыч из Заовражья. Хороший дед.

Соседи закивали — знаем, мол, Прохорыча. Хитрый дед, но добрый.

А на подходе к своему дому Иван увидел у сельмага дядьку. Мужик был нездешний — с машиной, с «Жигулями» видавшего виды. У багажника стоял бидон и воронка.

— Мужик! — крикнул нездешний. — Керосин нужен? Есть керосин! Отличный, чистый, как слеза!

Иван подошёл. Канистра у него уже была — полная, от Прохорыча. Но мужик говорил так убедительно:

— Дёшево отдам. Сто пятьдесят за литр. Для дома. Для лампы. Могу даже туда-сюда.

— А откуда керосин? — спросил Иван.

— Да тут... — мужик замялся. — Из хозяйственного магазина. Весь выкупил. Тебе несу людям, помогаю.

Иван вспомнил слова продавщицы — «чудак выкупил всю партию». И глаз у мужика был нечестный. И улыбка кривая.

— Сто пятьдесят? — переспросил Иван.

— Ага. Партия хорошая. Дёшево отдаю.

Иван почесал затылок. Ему керосин был уже не нужен — у него своего полная канистра. Но он решил проверить. Взял бидончик, открыл крышку, понюхал. Пахло... соляркой. Как-кой-то дрянью.

— А ну-ка, — сказал Иван. — Дай-ка я проверю.

Он достал спичку, чиркнул, поднёс к горлышку. Мужик аж отскочил:

— Ты чо?! Спалишь!

Иван поджёг — и жидкость занялась каким-то чадящим, вонючим пламенем. Это была не солярка и не керосин. Это была какая-то смесь — то ли из отработки, то ли из чего похуже.

— Эх, мужик, — сказал Иван. — А ведь людям продаёшь. Думают — керосин. А это... не пойми что. У нас в деревне примусы стоят. Керосинкам нужен чистый керосин. А ты им что даёшь?

Мужик побледнел:

— Да ты чо, нормальный керосин! Просто я — честно продаю!

Иван покачал головой:

— Ну-ну. Продавай. Только вот что — людям не дай бог рванёт.

Он развернулся и пошёл домой. Канистра Прохорыча лежала за плечом, тёплая, надёжная.

Позади он слышал, как мужик заводил «Жигули» — с испугу, наверное, решил не искушать судьбу и свалить из Мухосранска по-английски.

* * *

Через две недели — как раз когда ударили самые злые морозы — свет в Мухосранске отключили.

На сутки.

Иван достал лампу, залил керосин, зажёл фитиль. Загорелось ровно, чисто, светло. Тёплый свет озарил кухню. Шарик улёгся у печки, довольно жмурясь. Кузя — Кузя был, конечно, выше всяких там осветительных приборов, но даже он перебрался со своей лежанки поближе к свету и теплу.

Иван сел за стол. Достал книжку — потрёпанную, ещё отцовскую, «Огниво» Андерсена. Открыл. Читал при лампе, пил чай и был совершенно счастлив.

А наутро его разбудил грохот. Вышел на крыльцо — а там весь Мухосранск бежит, и все возмущённые.

Оказывается, ночью у половины соседей взорвались примусы. Рванули так, что где стёкла выбило, где потолок закопало, а дядя Коля — тот вообще чуть без бровей не остался. Ходил чёрный, как трубочист, и ругался страшно.

— Зараза! — орал он. — Этот проходимец на «Жигулях»! Продай мне, гад, какое-то пойло! Я думал — керосин, а оно как бабахнет!

— А у меня кастрюлю расплавил! — кричала тётя Зина, размахивая дырявой кастрюлей.

Все сбежались к сельмагу. Кто-то уже звонил участковому. Соседи пересказывали, как у них рвануло, какие последствия. Кто-то кричал, что мужика того найти надо — и поймать — и...

— Слушайте, — сказал вдруг Пётр. — А как же Иван? Он тоже керосин покупал? У него не рвануло?

И все обернулись.

Иван стоял на крыльце своего дома, прихлёбывая чай из кружки с надписью «Лучший дед». За его спиной — в окне — всё ещё горела лампа. Свет от неё лился тёплым светом на заснеженный двор.

— Иван! — закричал дядя Коля. — У тебя чо не рвануло?

Иван спокойно посмотрел на него:

— А у меня нечему рваться, — сказал он. — Я керосин у Прохорыча взял, в Заовражье. А тому мужику с «Жигулей» не поверил. Ну его — нехороший он человек. Недобрый.

Народ замер.

— Подожди, — сказал дядя Коля. — Ты что, знал, что у него керосин плохой? Ты поэтому не брал?

Иван чуть улыбнулся — чуть-чуть, еле заметно:

— Ну... как сказать. Он у меня подозрение вызвал. Глаза нехорошие. И керосин у него вонял. А Прохорыч — нормальный дед. Проверенный.

Все переглянулись. Потом Пётр сказал:

— Вань, дружище. Ты нас спас! Если б не твой нюх — у нас бы все примусы взлетели бы на воздух!

— Ну да, — сказал дядя Коля, потирая опалённые брови.
— Спасибо тебе, Вань. Ты у нас прямо герой.

Иван допил чай и поставил кружку на перила.

— Да какой я герой, — махнул рукой. — Я просто чувак с нюхом. Огурцы-то я чую за версту, а керосин — и подавно. Так что — не за что. Есть чай — заходите, грейтесь.

Народ ещё пошумел, обсудил, поругался на мужика с «Жигулей» — но постепенно разошёлся. Дядя Коля ушёл домой спасать брови. Тётя Зина пошла варить кастрюлю заново.

А Иван вернулся в дом. Затушил лампу (свет уже дали, к обеду), убрал её на полку. Погладил Шарика:

— Вот так-то, Шарик. Иногда ничего не делать — это самое правильное дело.

Шарик вильнул хвостом: согласен.

Кузя вышел из-за печки, посмотрел на Ивана с видом ко-та, который всё знал с самого начала, и ушёл обратно — до-сыпать.

Иван почесал затылок, улыбнулся и пошёл проверять огурцы в кладовке.

ГЛАВА 4. Шарик и медведь

Осень в тот год стояла золотая. Листья облетали, но не сразу, а как-то лениво, будто тоже не хотели расставаться с летом. Грибы попёрли — страшная сила. Подосиновики, подберёзовики, лисички, белые. Мужики из Мухосранска с утра до вечера пропадали в лесу. Возвращались с полными корзинами, с полными вёдрами, с полными мешками. Кто-то умудрялся даже набрать полный багажник «Нивы».

Иван грибы любил. Но не так, чтобы фанатично. Собирал в удовольствие. Идёт, дышит, глядит по сторонам — и как найдёт семейку лисичек, так присядет на корточки, полюбуется: красиво ведь как! Никакая картина не сравнится.

В то утро он собрался в лес. Надел старенькую куртку, взял корзину, нож и позвал Шарика:

— Пошли, Шарик. За лисичками. Вчера на Горелой поляне их видимо-невидимо было. Сегодня — возьмём.

Шарик подпрыгнул, залаял — он в лес любил. Там и белки, и мыши, и зайцы. Одним словом — собачье счастье.

Пошли. Дорога до леса — полчаса. Иван шёл спокойно, насвистывал. Шарик бежал впереди, то и дело нырял в кусты, выскакивал, тявкал — звал за собой.

— Иду, иду, — усмехался Иван. — Ты погоди, я — следом, у меня ноги, а не колёса.

Дошли. Лес встретил их тишиной и запахом прелой лист-

вы. Грибов, как и говорил Иван, было — хоть косой коси. Уже через полчаса у него полкорзины лисичек набралось. Шарик носился между деревьями, распугивая кого ни попадя, и был совершенно счастлив.

— Хорошо идём, — сказал Иван, присаживаясь под берёзкой. — Передохнём. Шарик, не убегай далеко.

Шарик, конечно, убежал. Иван вздохнул, посидел, послушал лесную тишину. Вдыхать осенний лес — это особая наука. Иван в ней был доктором наук.

Вдруг Шарик вернулся. Прибежал быстро, но не радостно. Наоборот — прижал уши, заворчал. Даже не заворчал — загудел низко, тревожно, как гудит собака, когда чувствует опасность.

Иван поднял голову.

Из-за кустов — метрах в пятнадцати — выходил медведь. Огромный, бурый, лобастый. Шерсть дыбом. Встал на задние лапы — и сделался выше человеческого роста. Смотрел на Ивана маленькими тёмными глазками, шевелил ноздрями — принюхивался.

Иван медленно поднялся, не делая резких движений. Корзину с грибами поставил на пень. Шарик глухо зарычал, прижавшись к ноге.

— Тихо, Шарик, — спокойно сказал Иван. — Не рычи. Он не злой. Он просто смотрит.

Медведь переступил с лапы на лапу, качнулся. Так и стоял — доминой над кустами.

Иван снял кепку, почесал затылок и вдруг сказал — так просто, будто соседу в сельмаге:

— Здорово, дядя. За грибами тоже?

Медведь моргнул. Раз. Другой. Глаза у него были круглые, глубокие, как у всех медведей — немного грустные, немного голодные.

— Ну, — продолжал Иван, поправляя кепку. — Ты это... не стой столбом. Ежели за грибами — так вон туда иди. — Он махнул рукой куда-то в сторону. — За ёлкой поляна богатая. Я уже полкорзины набрал — а там ещё больше. Тебе вон туда, мимо муравейника. — Он помолчал. — Только на муравейник не наступи, слышь? Муравьи там злые. Тебе такая война ни к чему.

Медведь замер. В лесу стало совсем тихо. Шарик прижался к ноге Ивана, дрожал — но молчал. Даже он понял: тут не до лая.

Иван смотрел медведю прямо в глаза. И в глазах его не было ни страха, ни злости. Было только ровное, спокойное — как у человека, который знает, что мир большой, и на всех хватит места.

— Ну что встал-то? — поторопил Иван. — Солнце вон уже вон где. До темноты надо успеть. Иди давай. А я в другую сторону пойду. Не мешай друг другу.

Медведь постоял. Постоял. Потом — медленно, спокойно — опустил на четыре лапы. Потряс головой, будто сбрасывая наваждение. И — потопал туда, куда показал Иван. За

ёлку, мимо муравейника. Не спеша, деловито — как хозяин, получивший нужную справку.

Иван смотрел ему вслед, пока бурая туша не растворилась в кустах. Потом выдохнул:

— Ну и дела. — Почесал Шарика за ухом. — Видал? Нормальный дядя. По грибы пришёл. А ты боялся.

Шарик поднял на него глаза — преданные, слегка недоверчивые. Он был согласен с тем, что дядя нормальный. Но предпочёл бы, чтобы такие дяди держались от его хозяина подальше.

Иван поднял корзину. Надо было — и правда — успеть до темноты. Лисички не вечны. Да и Шарик устал.

* * *

Вернулся Иван в Мухосранск под вечер. Полная корзина лисичек — на засолку, на жарку, на сушку. Шарик шёл рядом, гордый. Ещё бы: он такой подвиг совершил — медведя переждал, не гавкнул.

В сельмаге вечером было людно. Народ обсуждал последние новости: у кого медведь улей разворотил, у кого козу задрал, а дядю Васю — тот вообще лаптем хвастался, что видел зверя в малиннике. Иван стоял в сторонке, слушал — и молчал.

Дядя Коля заметил его с полной корзиной:

— Ого, Ванька! Набрал! А я вон — пустой. Говорят, в лесу медведь. Целый день народ пугает. Ты-то его не видел?

Иван пожал плечами:

— Да видел. Вон, за Горелой поляной.

У сельмага стало тихо. Все уставились на Ивана.

— Встретил? — переспросил дядя Коля. — И что?

— Ничего, — сказал Иван. — Поздоровался. Показал, где грибы. Разошлись.

Дядя Коля прищурился:

— И он тебя не тронул?

Иван посмотрел на него удивлённо — как на человека, который задаёт странный вопрос:

— А зачем ему меня трогать? Я ему поляну показал. Место хорошее, грибное. Чего на людей кидаться, когда вокруг грибов полно?

Народ переглянулся. Пётр недоверчиво хмыкнул. Тётя Зина перекрестилась. Дядя Коля долго сопел, надувался — но так и не придумал, что сказать.

— Ну ты, Ванька, и выдумщик, — наконец выдал он. — Медведь, значит, тебя послушался. Прямо сказки какие-то.

Иван не стал спорить. Взял корзину, пошёл домой. Там его ждали Кузя (насупленный, потому что есть хочет), огурцы (в рассоле, созревают) и тихий вечер у печки.

А мужики в сельмаге ещё долго обсуждали. Одни говорили — врёт Иван. Другие — не похоже, он никогда не врёт. Третьи — а вдруг и правда?

— Чудеса, — бормотал дядя Коля, уходя домой. — Медведь грибы собирает. Иван с медведем разговаривает. Скоро у нас волки почтальонами работать будут.

Но тем не менее — с тех пор в лес поодиночке мужики без ружья ходить перестали. Лучше толпой, лучше с собаками, лучше пораньше. А если кто и ходил в одиночку — то только Иван.

И что вы думаете? Каждый раз возвращался с полной корзиной. А один раз даже с двумя.

— Встретил кого? — интересовались соседи.

— Да не, — отмахивался Иван. — Грибы сами в корзину прыгали.

Ему не верили. Но завидовали — честно.

ГЛАВА 5. НЛЮ над Мухосранском

Июнь в тот год стоял тёплый и солнечный. Иван как раз собрался чистить картошку — молодую, с собственного огорода, первую за сезон. Сидел он на лавочке у сельмага — там, где мужики вечерами собирались и где удобно было и картошку почистить, и на людей посмотреть.

Рядом с ним — ведро с водой. В руках — нож. Дело шло споро: картофелина за картофелиной ложилась в кастрюльку, очистки летели в ведро. Иван насвистывал что-то из старого кино — то ли про Штирлица, то ли про комсомол.

— Красота, — бормотал он, заглядывая в кастрюльку. — Это ж надо — картошка какая уродилась. Ровная, крупная. В самый раз с укропчиком.

Шарик лежал рядом, высунув язык и жмурясь на солнце. Кузя — тот вообще не пошёл с ними. Кузя в это время на печи досматривал третий сон, поэтому его не было.

И тут — загудение.

Сначала тихое, едва слышное — как будто трансформатор застрекотал. Потом громче. Гудело низко, мощно, противно — так, что у Ивана мурашки пошли.

Он поднял голову.

Над Мухосранском зависла тарелка.

Серебристая, круглая, гладкая — как отполированная сковорода. Висела прямо над крышей сельмага, метрах в

тридцати, и гудела. То ли включалась, то ли выключалась, то ли просто ворчала — не поймёшь.

Иван замер с картофелиной в одной руке и ножом в другой. Шарик вскочил и начал лаять на тарелку — с тем же усердием, с каким лаял на соседского кота.

— Шарик, тихо, — машинально сказал Иван. — Дай посмотреть.

А по всему Мухосранску уже началась суета. Дядя Коля выскочил из дома в одних подштанниках, задрав голову:

— НЛО! НЛО! Тарелка!

Тётя Зина, которая как раз шла с коромыслом от колодца, бросила вёдра, перекрестилась:

— Господи, пронеси!

Сосед Пётр — мужик обстоятельный — сначала побежал за ружьём, потом подумал и нырнул в погреб. Жена его, тётя Марина, стояла на крыльце с подвернутой юбкой и тыкала пальцем в небо:

— Ой, батюшки! Ой, люди добрые! Это же инопланетяне летают! Это — конец света!

На улицу высыпала половина Мухосранска. Кто-то крестился. Кто-то бежал за ружьём. Кто-то прятался в погреб. Народ метался, кричал, размахивал руками.

А Иван сидел на лавочке у сельмага и чистил картошку.

Он посмотрел на тарелку. Посмотрел обратно на картошку. Вздыхнул.

— Иван! — заорал дядя Коля, подбегая к нему. — Ты чего

сидишь?! Там НЛЮ! Не видишь? ТАРЕЛКА!

Иван поднял голову. Посмотрел на тарелку. Потом снова — на картошку.

— Ну НЛЮ и НЛЮ, — сказал он. — Может, сядет, может, улетит. Картошка вон не чищенная. Надо дочистить, пока не стемнело.

— Ты что! — дядя Коля аж подпрыгивал на месте. — Ты не понимаешь! Это же пришельцы! Они прилетели! Может, они к нам! Может, хотят контакт установить!

Иван задумчиво посмотрел на дядю Колю:

— А с чего ты взял, что хотят?

— Да как с чего! Тарелка над деревней висит! Они ищут контакт!

Иван аккуратно снял глазок с картофелины:

— Может, им просто сесть негде. Вон у тебя пол-огорода крапивой заросло. Захотели бы — сели бы на твою крапиву.

Дядя Коля открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ванька, — выдавил он. — Ты точно дурак.

И побежал дальше — к народу, к тарелке, к общему переполоху.

А тарелка тем временем постояла, постояла — и начала подниматься. Медленно, как большая серебристая капля. Гудела, гудела — и вдруг раз! — и улетела. Только мерцающая точка осталась в небе. Потом и она пропала.

Стало тихо.

Народ постепенно вышел из укрытий. Кто-то ещё кре-

стился. Кто-то матерился с досады — не успели-таки сфотографировать. Кто-то радовался — не утащили, не забрали.

Дядя Коля стоял посреди улицы и орал:

— Улетели! Улетели! А я так и не успел спросить, когда беспилотники запустят!

Вечером в сельмаге было шумно. Мужики сидели, пили чай и обсуждали событие дня.

— Не иначе — военные испытания какие! — говорил Пётр, который так и просидел в погребке до самого вечера.

— Какие военные, — возражал дядя Коля. — Это пришельцы! Они Землю изучают! Они нас сутками наблюдают!

— А чо ж они улетели? — спросил Пётр.

— Так испугались чего-то! — уверенно заявил дядя Коля.
— Видят — шум, гам, никто контакт не идёт. Вот и решили — не время.

— Может, они искали, к кому обратиться, — задумчиво сказал кто-то.

— Ну а чо они улетели-то? — опять спросил Пётр.

— Испугались, — повторил дядя Коля. — Они ж не знают, какие мы. А мы вон — с ружьями, с криками, с погребами. А может, им просто не понравилось, что никто не вышел контакт устанавливать. Не проявили гостеприимства!

Все посмотрели в сторону Ивана. Иван сидел в углу, пил чай с баранками и молчал.

— Вань, — обратился к нему дядя Коля. — А ты чо не вышел-то? Ты же на лавочке сидел! Мог и контакт установить!

Иван допил чай, поставил кружку на блюдце:

— Так картошка же не чищена, — сказал он. — Мне до ужина её ещё дочистить надо. Да и с кем контакт? Я с ними не знаком. Может, они люди хорошие, а может — не очень. Вот как ты начнёшь знакомиться — так тоже без картошки вечером останешься.

Спорить с ним было невозможно. Дядя Коля посмотрел на него долго, хотел что-то сказать — но передумал. Только махнул рукой:

— Эх, Ванька... Пропадёшь ты со своей философией.

А Иван усмехнулся, вышел из сельмага и пошёл домой — дочистать картошку. Шарик бежал за ним, виляя хвостом.

Наутро Мухосранск проснулся с одной новостью: больше НЛО над деревней не появлялось. Ни в тот день, ни на следующий, ни через неделю.

В сельмаге мужики строили теории:

— Улетели насовсем! Не понравилось им тут.

— Может, мы им не подошли.

— А может, они искали контакт только с теми, кто спокоен. Как у нас Иван. Так Иван вон не вышел — картошку чистил.

И все замолкали.

А может — и правда. Пришельцы искали контакт с людьми. С теми, кто их не боится, кто не бежит с ружьями и не прячется в погреб. С теми, кто смотрит спокойно — как на соседа, зашедшего попить чаю.

Но Иван картошку чистил.

И ужин у него был на славу — с молодой картошкой, укропчиком и огурчиками.

А НЛО больше не показывалось.

Не потому, что испугалось. А потому что поняло: в Мухомосранске не до них. Тут картошку чистят, огурцы солят, грибы собирают. Не до тарелок нам.

Тут жизнь кипит.

ГЛАВА 6. Как Иван баню топил

Зима в тот год была лютая. Мороз за тридцать, снегу по колено. Дрова в печке трещали, как будто их кто-то специально учил громко гореть. В доме у Ивана было тепло, уютно — печка работала исправно, Кузя на ней дремал сутками напролёт, Шарик спал на полу, свернувшись калачиком.

А вот баня. Баня у Ивана была отдельная, во дворе, стояла себе маленькая, аккуратная, с годами потемневшая — но крепкая. Он её сам строил ещё лет десять назад, из доброй лиственницы, на совесть.

Но зимой, в такие морозы, баню топить — это отдельная история. Иван это понимал. Потому и откладывал: то холодно, то некогда, то лень. А тут — суббота наступила. А в субботу у Ивана, как у всякого правильного человека, баня — святое дело.

— Ну, Шарик, — сказал он, потягиваясь с утра. — День банный. Пошли готовиться. Наколю дров, истоплю — быть тебе сегодня чистым псом.

Шарик обрадовался. Он баню любил — после неё всегда давали косточку.

Иван оделся потеплее, вышел в сарай. Дрова там лежали аккуратной поленницей — отборные берёзовые, сухие, звонкие. Он выбрал штук десять, наколол, сложил в охапку и понёс в баню.

В бане было холодно, как в морозилке. Стены — инеем покрылись. Иван усмехнулся:

— Ничего. Щас прогреется. У меня печка — зверь.

Он открыл печку. Внутри было чисто, зола почти не накопилась — с прошлого раза. Иван сложил дрова как положено — крест-накрест, с щепками снизу. Поджёг. Дрова зашипели, задымились, потом весело занялись.

Иван закрыл дверцу печки, поправил заслонку и вышел на крыльцо — ждать. Ну а что в бане делать? Греется — и греется. Надо подождать, пока тепло наберётся. Иван сел на заснеженное крыльцо, достал из кармана газету — старую, недельной давности, но читать всё равно интересно — и принялся штудировать местные новости.

Читал он медленно, со вкусом. У него вообще всё было медленно, со вкусом. Быстро только картошку ел.

— А чо это у нас в области делается? — бормотал он. — Коровы... поля... опять коровы... — Он перевернул страницу. — О, у Петровича из Новосёлово телёнок родился с двумя головами! Вот это новость! Надо будет съездить, посмотреть. Или не надо? Зачем мне две головы? Мне одной хватит.

Прошло минут сорок. Иван сидел на морозе, но ему было тепло — от бани шло жаркое дыхание. Из трубы валил густой дым. Иван по опыту знал: значит, печка разгорелась хорошо.

— Ну, ещё чуть-чуть, — сказал он сам себе. — И можно париться.

Вдруг внутри бани что-то хлопнуло. Не сильно — так, буд-

то кто-то ладонью по доске хлопнул. Иван поднял голову.

— О, — сказал он. — Это печка разгорелась. Ну ладно.

Он посидел ещё немного. Дочитал статью про корову с двумя головами (оказалось, что это просто телёнок с пятном — и то непонятно, как Петрович его с двумя головами увидел). Сложил газету, сунул в карман.

— Всё, — решил он. — Хватит ждать. Пора париться.

Встал, потянулся. Шарик тут же встрепенулся:

— Ты в баню?

— Ага. Сторожи двор.

И Иван открыл дверь.

Из бани вырвался пар. Настоящий, густой, горячий. Иван вошёл — и аж обомлел: жара стояла такая, что дышать было нечем. Воздух дрожал. Стены были раскалённые: потрогаешь — обожжёшься. Потолок тоже гудел от жара.

— Ну и баня! — крикнул он. — Это я понимаю. Прогрелась!

Он посмотрел на полок. А на полке — веник, который он занёс ещё утром, чтобы согрелся. И веник этот... дымился. Сам по себе. Без огня.

— Ох ты ж, — сказал Иван. — Вот это жар. Веник не выдержал.

Он схватил веник, выдернул из бани, кинул в снег. Тот зашипел, выпустил облако пара и погас.

Иван вернулся в баню. Потрогал стену — горячая. Потрогал печку — горячая. Выходит, баня готова. Даже более чем.

— Ну, — сказал он, раздеваясь. — Зато прогрелась. Зря пропадать будет — надо париться.

Он залез на полочку. В бане было так жарко, что у него защипало глаза. Но Иван был человек привычный. Он лег, закрыл глаза, и начал с наслаждением париться.

Пар обжигал. Веник — тот, второй, который он специально не заносил в баню заранее — он подержал над каменкой, размочил, и принялся хлестать себя по бокам. Жарко? Да. Горячо? Да. Но зато — как же хорошо!

— Ах, — кряхтел Иван, переворачиваясь с боку на бок. — Ах, хорошо. Ах, как же хорошо.

Через полчаса он вывалился из бани — красный, мокрый, довольный. Шарик бросился к нему, обнюхал, лизнул в руку — проверял, что хозяин жив.

— Жив, жив, — выдохнул Иван, садясь прямо в снег. — Как же хорошо-то. Баня — чудо. Вот это я понимаю.

Он посидел, остыл и пошёл в дом — пить чай.

* * *

Утром следующего дня Иван пошёл в баню — проверить, как она там, не остыла ли, не надо ли протопить ещё. Он открыл дверь — и обомлел.

Внутри было тепло, сухо. Но печка... Печка была треснувшая. По всей длине — от верха до самого низа — зияла трещина. Иван подошёл ближе, потрогал. Трещина была свежая. Час назад её тут не было.

— Ох ты ж, — сказал он. — Вот это да. Ну и дела.

Он вернулся в дом, сел за стол, налил чаю и долго смотрел в окно. Трещина была опасная. Если бы она прорвалась, когда он парился — кирпичи бы посыпались, пар бы ударил в лицо, угарный газ пошёл бы внутрь. Мог бы и сгореть, и угореть — одним словом, помереть, не долго думая.

И ведь он именно вчера парился! Именно вчера! А сегодня — трещина. Если бы печка треснула на полчаса раньше — истории Ивана тут и закончилась бы. Сгорел бы человек в собственной бане.

Иван почесал затылок, усмехнулся:

— А, — сказал он. — Зато выпарился знатно. Вот это баня была! Таких бань ещё не бывало.

* * *

В сельмаге вечером он рассказал эту историю. Как топил, как веник задымился, как печка потом треснула. Мужики слушали, открыв рты. Дядя Коля аж побелел:

— Ты что, Ванька! Ты же мог угореть! Ты же мог сгореть! Печка-то вся треснула! А ты в ней парился, как веник над огнём!

Иван пожал плечами:

— Ну так парился-то я вчера. А трещина — сегодня. Просто повезло, что она потом треснула. Если бы она треснула раньше — я бы в бане не сидел. А я вон — сижу, чай пью. Живой.

Дядя Коля посмотрел на него долгим взглядом, перекрестился:

— Ванька, тебя сам чёрт бережёт! Или Бог. Один из них точно!

Иван отхлебнул чай:

— Не знаю, кто бережёт. Я просто баню топил.

Мужики зашумели, загалдели. Кто-то говорил, что Иван — счастливчик. Кто-то — что он просто не торопится и потому всё у него вовремя случается. Кто-то — что у него ангел-хранитель, который спит только на левом ухе и всё время за ним приглядывает.

Иван не спорил. Допив чай, он поднялся:

— Ладно, мужики. Пойду я. Баню надо починить. Печка-то треснула. А у меня в субботу — опять баня. Придётся латать.

И ушёл.

А мужики смотрели ему вслед и думали: вот человек живёт — не спешит, не суетится, ничего не боится. И всё у него хорошо. И баня топится. И огурцы растут. И медведи его не трогают. И НЛО улетают. Может, потому, что он не боится? Может, счастье — оно для тех, кто не спешит?

Никто не знал.

Но каждый в душе завидовал Ивану.

ГЛАВА 7. Кузя на проводе

Курица у Ивана была — отдельная история. Звали её Кузя. Да, да, для курицы имя странное, но Иван рассуждал просто: «Кузя — оно и в Африке Кузя. Какая разница — кот Кузя или курица Кузя. Главное, чтобы откликалась».

И Кузя откликалась. На всё откликалась. На «Кузя, иди сюда», на «Кузя, где ты опять», на «Кузя, куда ж ты провалилась». Но делала при этом всё по-своему.

Курица она была рыжая, пёстрая, с важной походкой и независимым взглядом. На других кур не смотрела вовсе — считала себя выше этой куриной возни. Петуха у Ивана не было, и Кузя сама себе была хозяйкой. Ходила по двору, как генерал по плацу, и руководила — и курами соседскими (если они случайно на двор забегали), и Шариком (которого она слегка побаивалась, но вида не подавала), и самим Иваном (который её, честно говоря, побаивался чуть больше, чем она его).

Главная странность Кузи была в том, что она несла яйца где попало. Никакого курятника для неё не существовало. Иван построил ей отличный курятник — с насестом, с гнездом, с подстилкой. Кузя зашла туда один раз, осмотрелась, фыркнула (по-куриному, конечно) и вышла. И больше никогда туда не возвращалась.

Она несла яйца:

— в Ивановом сапоге, который стоял в сенях (Иван однажды сунул ногу — и почувствовал что-то тёплое, круглое — хорошо, хоть не раздавил);

— на чердаке, среди старых газет и банок (обнаружил через три недели, когда полез за вареньем; яйцо было свежее, будто его минуту назад снесли);

— в кармане старой телогрейки, которая висела в сарае (нашёл, когда собирался на рыбалку — сунул руку за спичками, а там — яйцо);

— даже в корыте, из которого пил Шарик (Шарик потом долго ходил удивлённый и отказывался пить из этого корыта);

— и один раз — в кармане штанов Ивана, которые он снял накануне и оставил на стуле. Хорошо, что штаны были широкие.

Иван на это не ругался. Только удивлялся:

— Ну и Кузя. Ну и несёт. Главное — несёт. Не яйцо, а сплошное приключение.

Кузя на его слова не реагировала. Она вообще была себе на уме.

* * *

Однажды — а дело было летом, в самую жару — Иван вышел во двор и увидел: Кузя сидит на крыше.

Мало того что сидит — она забралась на самую вершину, на старую телевизионную антенну, которая торчала над крышей ещё с советских времён. Антенна была ржавая, кривая,

но стояла крепко — ещё отец Ивана её ставил. Кузя взгромоздилась на самый верх, сидела, важно оглядывая двор сверху, и кудахтала.

— Кузя! — закричал Иван снизу. — Ты чего? Слезай! Упадёшь — шею свернёшь!

Кузя посмотрела на него сверху — с высоты своей куриной важности — и ничего не ответила. Только хвостом повертела.

— Кузя! Ну слезай, кому говорю! — Иван замахал руками. — Слышишь — упадёшь!

Кузя сидела. Антенна раскачивалась.

Иван почесал затылок, посмотрел по сторонам — не видит ли кто этого цирка. Хорошо, никого не было. Соседи — кто в огороде, кто на работе.

— Ну и что мне с тобой делать? — спросил Иван у курицы.

Кузя не ответила. И вдруг — закудахтала громче, засуетилась на антенне, приподнялась. И — снесла яйцо.

Прямо на антенну.

Яйцо скатилось по металлической трубе, проехало по наклонной части, слетело с края — и полетело вниз.

Иван ахнул. Яйцо летело с высоты трёх метров, кувыркаясь в воздухе. Иван бросился к нему, чтобы поймать. Но не успел.

Яйцо шлёпнулось на траву. И... не разбилось.

— Чего? — Иван подбежал, наклонился. Яйцо лежало це-

лое, тёплое.

Он поднял его. Оно было тёплое — совсем свежее, только что снесённое. Иван посмотрел на яйцо, потом на Кузю, которая сидела на антенне с видом победительницы.

— Во даёт, — сказал он. — Яйцо с неба. Прямо в руки.

Он усмехнулся, положил яйцо в карман:

— Ну ты и Кузя. Ладно, сиди, раз так. Всё одно не слезешь.

Кузя осталась сидеть на антенне.

* * *

Она просидела там весь день. Солнце пекло нещадно. Иван пару раз выходил, звал её:

— Кузя! Слезай! Тени вон сколько! Простудишься на жаре!

Кузя молчала. Она, видимо, решила, что антенна — это теперь её место. Её наблюдательный пост. Её куриный командный пункт.

Иван в конце концов махнул рукой:

— Ну и сиди. Упрямая, как... как ты сама. Курица — она и есть курица.

Он ушёл по своим делам — полил огород, проверил огурцы, почистил картошку к ужину. К вечеру на небе начали собираться тучи.

Сначала — лёгкие, белые. Потом — серые. Потом — тяжёлые, тёмные, как вата, набухшая водой.

Иван посмотрел на небо:

— Ох, гроза будет. Большая гроза.

Он вспомнил про Кузю. Вышел во двор, поднял голову — Кузя сидела на антенне. Как сидела, так и сидела. Даже не пошевелилась.

— Кузя! — закричал Иван. — Слезай! Гроза идёт! Слезай, кому говорю!

Кузя посмотрела на небо. Посмотрела на Ивана. И осталась.

— Ну всё, — сказал Иван. — Щас буду снимать.

Он приставил лестницу к стене дома, полез на крышу. Забрался наверх, протянул руку к антенне:

— Кузя, иди сюда. Ну!

Кузя отодвинулась.

— Кузя!

Кузя отодвинулась ещё.

Иван покачал головой:

— Ну ты и характер. Ладно. Сиди. Но я за тобой наблюдаю.

Гроза приближалась. Стало темно, как вечером. Ветер поднялся, зашумел в ветвях, загудел в трубе. Иван спустился с лестницы и встал под навесом — наблюдать за Кузей.

Кузя сидела.

Первая молния ударила далеко — за речкой. Осветила небо на секунду. Иван перекрестился:

— Ну, Господи, пронеси.

Гром прокатился над полем.

Вторая молния — ближе. Ударила в лес за огородом.

И вдруг — третья. Прямо в антенну.

Ослепительная вспышка. Оглушительный треск. Иван зажмурился, присел. Когда открыл глаза — антенна дымилась. По ней бежали оранжевые искры, плавился металл.

Кузя... Кузя исчезла.

Иван бросился к лестнице. Взлетел на крышу. Кузя лежала на шифере, недалеко от антенны — живенькая, но ошалевшая. Перья у неё на хвосте были подпалены.

— Кузя! — подхватил он её. — Живая? Ну-ка, ну-ка.

Кузя моргнула, потрясла головой, посмотрела на Ивана. И — возмущённо закудахтала.

— Живая, — выдохнул Иван. — Ну и слава богу.

Он спустился с крыши, держа Кузю под мышкой. Та ворчала, но не вырывалась. Похоже, она наконец поняла, что антенна — не самое лучшее место для куриных посиделок.

* * *

Утром Мухосранск проснулся от криков. Оказывается, молния, ударившая в антенну Ивана, сделала своё дело — разряд пошёл по проводам, и вся техника в деревне сгорела. У всех.

— У меня телевизор! — орал дядя Коля, выбегая на улицу. — Совсем новый! Вчера ж купил!

— У меня холодильник дымом пошёл! — кричала тётя Зина.

— А у меня стиральная машина искрить начала! — вто-

рил Пётр.

Ни у кого не работало ничего. Телевизоры, холодильники, стиральные машины, даже радиоприёмники — все сгорели. По деревне стоял запах палёной проводки. Народ бегал, хватался за голову, звонил в электросети.

А у Ивана — ничего.

Иван вышел на крыльцо, посмотрел на всё это бедствие, почесал затылок:

— Хм. А у меня вон ничё не сгорело.

— Как так? — изумился дядя Коля. — Ты же на одной линии с нами!

— Так у меня и телевизора нет, — пожал плечами Иван. — Я его не включаю. Мне и без него хорошо. А холодильник у меня — погреб. Огурцы вон стоят. А стиральную машину я не покупал — я руками стираю. Так что — нечему гореть.

Народ стоял и смотрел на него с завистью. У кого-то телевизор — сгорел. У кого-то холодильник — сгорел. У кого-то и то и другое, и ещё стиральная машина в придачу. А Иван — стоит, целехонький, в доме у него всё работает (лампочка горит, печка греет), и даже яйца есть.

Дядя Коля подошёл ближе, заглянул ему в глаза:

— Иван, а ты как догадался телевизор не включать?

— А я не догадывался. Мне просто некогда. То огород, то баня, то Кузя на крыше. Телевизор подождёт.

И показал яйцо, которое вчера Кузя снесла на антенне:

— Вот. Курица моя — вон что делает. Яйца прямо с неба

падают. Техника у всех горит, а у меня — яйцо свежее. Вот так-то.

Мужики переглянулись, покачали головами. Кто-то вздохнул. Кто-то позавидовал. А дядя Коля почесал лысину и сказал:

— Ивана сам чёрт бережёт. Или Бог. Один из них точно.

Кузя, услышав такую речь, важно прошла мимо них по двору, подняла хвост и ушла в сарай — досыпать после вчерашнего приключения.

А Иван пошёл готовить яичницу — из того самого яйца, что упало с неба и не разбилось.

И яичница вышла на славу.

ГЛАВА 8. Дорога в Мухосранск

Дорога в Мухосранск была не просто дорогой. Это было произведение искусства — только в жанре «ужасы». О такой дороге слагали легенды. О ней говорили шёпотом. Её боялись.

Яма на яме. Ямой погоняет. И если где-то попадался ровный участок — то это была не дорога, а мираж. Через сто метров он заканчивался, и начиналась реальность. Жестокая, ухабистая, беспощадная.

Приезжие — редкие гости в Мухосранске — вязли в этой дороге с завидной регулярностью. Ломали подвески, пробивали колёса, плакали. Один командированный из области так расстроился, что бросил машину прямо посреди дороги и ушёл пешком. Потом его нашли в лесу — он собирал грибы и не хотел возвращаться.

— Там такая дорога, — говорил он, — что лучше пешком, зато без нервов.

Местные водители — а их было немного — ездили по этой дороге осторожно. Знали каждый ухаб, каждую яму, каждую кочку. Дядя Коля, у которого был старенький «Москвич», перед выездом всегда крестился. Пётр, владелец «Нивы», ездил так медленно, что его обгоняли пешеходы. Тётя Зина вообще не ездила — ходила пешком. У неё для дороги были специальные резиновые сапоги.

А Иван...

У Ивана был «Запорожец». Да, тот самый. Жёлтенький, горбатенький, с мотором, который заводился, если ему об этом вежливо попросить. Иван свой «Запорожец» любил. Называл его «Золотце». Говорил:

— У него характер. Он просто так не поедет. С ним надо по-хорошему.

И «Золотце» слушался Ивана. Заводился с пол-оборота. Ездил ровно. Не капризничал.

А главное — Иван ездил по мухосранской дороге не глядя. То есть — не придерживаясь никакой траектории. Он просто ехал. Ямы объезжал? Да нет, не особо. Он в них попадал, но как-то... мягко. Кочки переезжал? Переезжал. Но они как будто сами под ним приседали.

— Как ты это делаешь? — спрашивал дядя Коля, вытирая пот после очередной тряски. — Я тут зубами стучу, почки отбиваю, а у тебя всё ровно!

Иван пожимал плечами:

— Так я не трясусь. Зачем трястись? Дорога — она как человек. Если ты её боишься — она тебя трясёт. А если ты с ней по-хорошему — она тебя бережёт.

Мужики крутили пальцем у виска. Но поделаться ничего не могли — Ивана дорога действительно не трясла.

* * *

В то утро Иван собрался в райцентр. Надо было картошку привезти — он договорился с одним мужиком, что продаст

два мешка молодой картошки. Мужик обещал хорошую цену.

— Ну, Золотце, — сказал Иван, похлопывая «Запорожца» по крыше. — Поехали за картошкой. Только без фокусов.

«Золотце» согласно чихнул мотором и тронулся с места.

Дорога до райцентра — двадцать километров. Первые десять — по мухосранской дороге, дальше — трасса нормальная, асфальт. Но первые десять — это испытание.

Иван ехал спокойно. Насвистывал. «Золотце» переваливался с боку на бок, подпрыгивал на кочках, нырял в ямы — но ехал. Иван руль держал легко, почти не глядя на дорогу. Смотрел по сторонам: лес, поле, лес, поле. Красота.

Вдруг — яма. Большая. Глубокая. Такая, что даже местные объезжали её по обочине, рискуя завязнуть.

Иван в неё попал.

Но не просто попал — он так лихо влетел в эту яму, что «Запорожец» подбросило вверх. Машина взмыла в воздух — вся, целиком. Перевернулась в воздухе — раз. Перевернулась — два. И приземлилась — на колёса.

Как? Никто не знает. Физика молчит. Инженерия в шоке.

Иван сидел за рулём. Спокойный. Ровный. Поправил кепку. Посмотрел в зеркало заднего вида — картошка в багажнике, судя по звуку, осталась на месте.

Он вылез из машины. Отряхнулся. Посмотрел на «Золотце». «Золотце» стояло на колёсах — целое, невредимое. Ни одной вмятины. Ни одной царапины.

Рядом с дорогой стоял мужик — приезжий, на иномарке. Он видел весь этот цирк. Стоял с открытым ртом и не мог произнести ни слова. Наконец выдавил:

— Как?!

Иван посмотрел на него:

— Что — как?

— Как ты выжил?! Ты перевернулся! Три раза! В воздухе!

Иван подошёл к багажнику, открыл его. Два мешка картошки лежали ровно. Он поднял один мешок, проверил:

— Ну вот, картошка, наверное, побилась?

Развязал мешок. Картошка была целая. Ни одной побитой. Ровная, чистая, одна к одной.

— Хм, — сказал Иван. — А картошка целая. Вот это удача.

Он загрузил мешки обратно, сел в машину и поехал дальше.

Приезжий стоял на обочине и смотрел ему вслед. Долго смотрел. Потом перекрестился и поехал в объезд — через три деревни, по нормальной дороге, лишь бы не встречаться с этим сумасшедшим на «Запорожце».

* * *

Вечером Иван вернулся в Мухосранск. Довольный. Продал картошку по хорошей цене. Купил гвоздей, верёвки и семян на следующий год.

В сельмаге его уже ждали. Дядя Коля, Пётр и ещё пара мужиков сидели на лавочке, пили чай и обсуждали событие.

Приезжий мужик с иномарки — он всё-таки доехал до Мухоморска, но через объездную — уже рассказал всем про Ивана. Про то, как «Запорожец» три раза перевернулся в воздухе и приземлился на колёса.

— Ванька! — заорал дядя Коля, завидев Ивана. — Ты чего? Ты как? Живой?

— Живой, — сказал Иван, паркуя «Золотце». — Картошку продал. Вон, гвозди купил.

— Да не про гвозди! — махнул рукой дядя Коля. — Ты перевернулся! Три раза! В воздухе! Как ты жив остался?!

Иван слез с машины, потянулся:

— Ну, как сказать. Яма там одна. Большая. Я в неё попал. Машина подпрыгнула. Покрутилась немного. И встала. Ну а чего? Всё нормально.

— Какое нормально?! — Пётр аж подскочил. — Ты должен был разбиться! По всем законам! Машина — вдребезги, ты — в больницу!

Иван посмотрел на него удивлённо:

— А чего вы хотите? Дорога у нас — тоже заговорённая. Просто вы не умеете по ней ездить. Ездите как придётся — она вас и бережёт. А вы всё боитесь, объезжаете, креститесь. Вот она вас и трясёт.

Мужики замолчали. Дядя Коля долго сопел, потом спросил:

— И что же — мне теперь тоже без страха ездить? По ямам, как ты?

— Ну, — пожал плечами Иван. — Это уж тебе решать. Только моя картошка целая, и я целый. А ты вон в прошлом месяце на ровном месте в кювет съехал. Так что думай.

И пошёл домой. Разгружать гвозди.

* * *

С тех пор по Мухосранску пошла легенда. Сначала шёпотом — на лавочках у сельмага, на кухнях, в очередях за хлебом. Потом — громче. Легенда гласила:

«Кто ездит по мухосранской дороге без страха — того она бережёт. Кто боится — того трясёт. А кто едет как Иван — тому сам чёрт не брат».

Глупость, конечно. Сказки. Многие так и думали.

Но странное дело — многие проверяли.

Дядя Коля, наслушавшись Ивана, в следующий раз поехал в райцентр с замиранием сердца, но стараясь не бояться. И — о чудо! — доехал без единой ямы. То есть ямы-то были, но он как будто их не замечал. «Москвич» шёл ровно, будто по асфальту.

Пётр — тот решил, что Иван просто везунчик, и продолжал ездить с опаской. И его трясло. Каждый раз. Выбивало душу, стучало зубами, гремело подвеской. И Пётр злился:

— Почему у Ивана ровно, а у меня тряско?!

Жена Петра, тётя Марина, пожимала плечами:

— А может, ты просто боишься. А Иван — нет.

Пётр не верил. Но однажды решил попробовать — поехать без страха. Сел за руль, глубоко вздохнул, сказал себе:

«Дорога — она как человек. Если с ней по-хорошему — она добрая». И поехал.

И — о чудо! — доехал ровно. Без тряски. Без стука. Без единого ухаба.

Он потом долго ходил задумчивый. Подошёл к Ивану:

— Вань, а в чём секрет-то?

Иван усмехнулся:

— Да нет никакого секрета. Просто перестань воевать с дорогой. Она тебе не враг. Она тебя домой везёт. Уважай её — и она тебя уважать будет.

Пётр ушёл, почесывая затылок. А через неделю купил новую подвеску — старую так и не убил, потому что ездить стал спокойно.

Мухосранская дорога осталась такой же — яма на яме. Никто её не чинил. Но теперь по ней ездили по-другому. Спокойно. Не боясь. И — странное дело — никто больше не ломал подвески. Даже приезжие, наслушавшись легенды, перестали плакать.

А Иван ездил как ездил — не глядя. И «Золотце» его слушалось.

Вот такая история.

Дорога у нас — заговорённая, — говорил Иван, садясь в машину. — Просто вы не умеете по ней ездить.

И уезжал. Ровно. Спокойно. Без тряски.

Как по асфальту.

ГЛАВА 9. Пожар

Лето в тот год было жаркое. Сухое. Трава желтела уже в июне, листья на берёзах сворачивались в трубочки, а земля трескалась, как старая глиняная посуда. Мухи злые, оводы наглые. Солнце палило так, что даже тень была горячей.

Иван в такую жару работал по-умному: рано утром — огород, потом сиеста, как в жарких странах, а вечером — снова дела. Правда, он не знал, что у него сиеста. Он просто говорил: «Жарко — чего по солнцепёку шастать? Полежу, подожду, когда спады́т».

Шарик разделял его философию — в полдень он залезал под крыльцо и лежал там, высунув язык, как будто его кто-то специально повесил сушиться. Кузя — курица — пряталась под кустом смородины и только изредка возмущённо кудахтала: мол, довели птицу до ручки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.